

Перед грозой

Это произошло в марте 1961 года неподалеку от города Сан-Сальвадор. День на плантации начался как обычно. В пять часов утра триста черных спин уже сгибались в душном тумане тропического леса. Кто широким тесаком вырубал кустарник, кто рыхлил землю: кофейная плантация португальца Госе Фернандадо успешно расширялась.

Плантация в Анголе—прибыльное дело. Землю европейскому колонисту бесплатно даст португальская колониальная администрация, рабов пригонит колониальная полиция—за этим дело не станет. Надо лишь дать небольшую взятку, которая окупит себя с лихвой: содержать черных невольников дешевле скота. Правда, через год трое или четверо из десятка умрут, да не беда: чиновник придет еще, знай только, погоняй этих лодырей! Вот и сейчас тот, что в «красной набедренной повязке, явно ленится. Тяжелый «чикоте»—бич из гиппопотамовой кожи—с оттяжкой бьет по потной черной спине. Африканец упал, обливаясь кровью... Но рядом с ним свалился и португальский помещик Госе Фернандадо, владелец трехсот черных рабов: тесак для рубки кустарника раскроил ему череп. И вот горит помещицыя вилла, трещат выстрелы, окрестные рабовладельцы в страхе бросают свои плантации... Анголезские крестьяне и батраки поднимаются против своих порабощителей. В стране идет народная война.

* * *

Ангола—крупнейшая колония Португалии. Площадь ее составляет 1247 тысяч квадратных километров. Здесь могли бы разместиться Португалия, Испания, Франция, Швейцария, Бельгия и Нидерланды, вместе взятые.

— Наше государство основал простой кузнец по имени Бумбу-Мбулу, — рассказывает анголезский поэт Марио де Андраде. — Он объединил племена амбунду и построил столицу Гола-ан-Донго. От этого города страна и получила свое название — Ангола.

Впервые португальцы посетили берега Анголы в 1490 году. В 1576 году португальский морской офицер Паулу Диаш заложил недалеко от устья реки Кванзы город Сан-Паулу де Луанда, ставший затем под названием Луанда административным центром португальской колонии. Прибывшие сюда солдаты и работорговцы в первые же годы вызвали своими бесчинствами возмущение местного населения. Около 1580 года народ Анголы начал освободительную войну. Война была упорной и продолжалась с перерывами почти сто лет. Под руководством царицы Зинги Мбанди Нгола, «африканской

Жанны д'Арк», анголезцы изгнали захватчиков. Однако преемники Нголы не смогли отразить новый натиск португальцев. В 1671 году последний из африканских правителей этого государства Жоас Арэн был вынужден признать их власть.

Вплоть до конца XIX века побережье Анголы было для португальцев лишь местом ссылки преступников и источником белой, а главное «черной слоновой кости» — рабов. Погрузив добычу в трюмы, корабли работорговцев один за другим отплыли в Южную Америку. Недаром говорят: Ангола — «черная мать» Бразилии. Сколько невольников было вывезено из Анголы за все время существования работорговли, сказать трудно; во всяком случае их число измеряется сотнями тысяч, если не миллионами. Работорговля и связанные с ней войны и набеги охотников за рабами обескровили народ, истощили его силы, надолго задержали экономическое и культурное развитие страны. Это облегчило португальцам захват внутренних районов Анголы.

Играя на противоречиях между главными импе-

НАРОДНАЯ ВОЙНА

риалистическими хищниками — Англией, Германией и Францией, Португалия в конце XIX века добилась признания своих «прав» на огромную территорию в Центральной Африке, прилегающую с востока к уже захваченному ею побережью Анголы. В XX веке Ангола, как и другие португальские владения, превратилась в аграрно-сырьевой придаток метрополии.

Большую часть Анголы занимают саванны и редкие леса, похожие на старый запущенный парк. Только на севере, по притокам великого Конго, высится сплошная стена непроходимого тропического леса, где господствует вечный сумрак. Снизу гигантские стволы напоминают порталы колонны. В зеленой полутьме лесной чащи они выделяются своей белой или светло-серой корой. Такая окраска предохраняет деревья от перегрева, и европеец невольно сравнивает их светлую кору со своим белым тропическим костюмом.

Во влажных тропических лесах Анголы много ценных пород деревьев. Красное, желтое, эбеновое, сандаловое дают прекрасную строительную и поделочную древесину, масличная пальма — высококачественное масло, пальма рафия — прочное растительное волокно, лиана ландольфия — каучук. Лесные почвы при правильной обработке способны давать высокие урожаи различных тропических культур, в особенности кофе и какао.

Развитию животноводства в Анголе препятствует распространение мухи цеце, и земледелие — основное занятие ее коренного населения, насчитывающего около 4380 тысяч человек и состоящего из различных народностей; самая крупная из них — умбунду, 1750 тысяч человек. На долю земледелия приходится свыше 65 процентов валовой продукции хозяйства страны. Как и почти во всей тропической Африке, земледелие в Анголе подсечно-вручное; сельскохозяйственные работы выполняются вручную. Орудия труда примитивны: топор, нож, мотыга. Мотыга служит и для обработки земли, и

для прополки, и при сборе урожая: ею, например, выкапывают корнеплоды — сладкий картофель, ямс. Многие крестьяне употребляют мотыгу с двумя ручками, своего рода прообраз сохи. Ее держат обеими руками и сильными ударами разрыхляют почву или проводят в ней глубокие борозды.

Анголезцы возделывают в основном зерновые культуры: кукурузу, просо, сорго, а также различные бобовые и бананы. Местные власти заставляют африканцев выращивать хлопок, урожаи которого скупаются по низким ценам португальскими компаниями, а затем перепродают на мировом рынке — естественно, с большой прибылью для португальцев. Африканское хозяйство в Анголе крайне отсталое: по данным колониальной статистики, на долю анголезского крестьянства приходится лишь 28 процентов стоимости национального продукта при среднем доходе 100 долларов на человека в год. «Туземцы питаются сейчас хуже, чем сто лет назад», — вынужден был недавно признать португальский губернатор Басто.

французским и бельгийским монополиям новые концессии; по сообщению журнала «Майнинг уорлд», — более 240. В результате особенно расширилась сфера деятельности американского капитала, прежде всего в области добывающей промышленности. «Диамантес де Ангола» («Алмазная компания Анголы»), являющаяся филиалом известной «Де Бирс компани» и контролируемая американской финансовой группой Оппенгеймера при участии английского и бельгийского капитала, увеличила свои прибыли от добычи алмазов с 211,2 миллиона эскудо в 1951 году до 548 миллионов в 1959 году.

Что же получают анголезцы взамен вывозимых сокровищ? Для ответа на этот вопрос достаточно указать, что на просвещение в Анголе тратится лишь один процент бюджета, а число неграмотных африканцев составляет 99 человек из каждых ста. Во многих районах, превышающих по площади Португалию, нет ни одной школы. На 25 тысяч жителей приходится лишь один врач, на 280 тысяч человек —

В АНГОЛЕ

Очерк первый

Л. КОРНЕЕВ

Сотни тысяч анголезцев покидают свою родину и целыми семьями уходят куда глаза глядят, уверенные, что, как бы плохо им ни пришлось в Конго, Родезии или Южно-Африканском Союзе, там все же будет легче, чем под пятой португальского конкистадора.

Эксплуатируя богатства колонии, Португалия покрывает свой хронический внешнеторговый дефицит. В 1960 году за счет «торговли» с Анголой и Мозамбиком метрополия, по данным газеты «Нью-Йорк таймс», возместила 60 миллионов долларов внешне-торгового дефицита. Вместе с тем Ангола является объектом коллективной империалистической эксплуатации. Португальцы вынуждены делить прибыли не только со своими традиционными «друзьями» — англичанами, но и с американскими монополистами, проявляющими все большую активность. Английские монополии эксплуатируют алмазные копи и нефтяные богатства Анголы. Англия закупает все добываемые в стране алмазы. Совместно с США и другими партнерами по НАТО она широко использует порты Анголы для вывоза сырья из португальских колоний, а также из Конго, Трансвааля, Родезии и Ньясаленда.

За последние годы правительство диктатора Салазара предоставило американским, английским,

лишь одна больница. Детская смертность, по сообщению «Газет энд дейли» от 13 сентября 1960 года, достигает 80 процентов! Более высокий процент смертности на земном шаре можно найти разве что на острове Сан-Томе, превращенном португальскими колонизаторами в гигантский концлагерь.

Но главная причина того, что для анголезцев родина-мать стала мачехой, заключается в системе принудительного низкооплачиваемого или вообще бесплатного труда, официально введенной в португальских колониях. «В Анголе фактически до сих пор процветает рабство!» — указывала в августе прошлого года эфиопская газета «Эфиопиан геральд». Принудительный труд в Анголе — основа прибылей португальских помещиков и предпринимателей. Их объединения — «Сосьедаде агрикола де Кассекель», «Банко де Ангола», «Диамантес де Ангола» — получают более 49 процентов прибыли на вложенный капитал.

Известный публицист Бэзил Дэвидсон в своей книге «Пробуждение Африки» неопровержимо доказывает, что принудительный труд является основой всей экономики этой территории, где «в настоящее время больше рабов, чем 50 лет назад». Когда какой-нибудь белый предприниматель нуждается в рабочей силе, он подает заявку в управление генерал-губернатора. Управление распределяет заявки среди местных администраторов, ведающих, по выражению побывавшего в Анголе американского публициста Джона Гантера, «живым инвентарем». По заявкам португальских рабовладельцев администраторы с помощью вождей племен и полиция заставляют африканцев записываться на работы на плантации и рудники. Этот процесс называется «контрактацией», а подневольные рабочие — «законтрактованными», или «контрададуш». Если вождь противится «контрактации» соплеменников, его сурово наказывают, избивают, подвергают пыткам; нередко пытки кончаются смертью.

Некоторое представление о том, как обращаются с «контрададуш», можно получить из рассказа Дэвидсона о его встрече с главным управляющим плантацией сахарного тростника в Кассекеле. «Я, — пишет Дэвидсон, — спросил его, как поступают, если приглашенный на принудительные работы отказывается работать. Управляющий посмотрел на меня с изумлением: «Что вы, кто же не будет работать? Все работают». — «Ну, а если все-таки люди откажутся?» — «Тогда мы пошлем их в полицейский участок. Их посадят в тюрьму и будут пороть».

За каждого «законтрактованного» поставщик рабов — португальский администратор — получает от предпринимателя 98 долларов. Самому же «законтрактованному» за 12-часовой каторжный труд платят всего 3,3 эскудо в день. Из этой суммы африканец должен отдать 3 эскудо за пищу, состоящую обычно из кукурузной муки или тапиоки, а также заплатить налоги. Не случайно, что на многих плантациях смертность африканцев достигает 35 процентов.

В настоящее время для компенсации стоимости военных мероприятий, направленных на подавление национально-освободительного движения в стране, подушная подать увеличена вдвое. Убивать африканцев на деньги африканцев — вот она, «цивилизаторская миссия» португальцев в Анголе!

Насколько широко применяется принудительный труд в Анголе, можно судить хотя бы по тому, что только одна «Диамантес де Ангола», по выражению американского журнала «Нейшн» от 4 марта 1961 года, «с жестокостью XIX века» эксплуати-

рует более 20 тысяч африканцев. В провинции Лунда владельцы алмазных копей имеют монополию набора рабочей силы на территории, равной по площади половине Англии. «Контрададуш» составляют более двух тысяч рабочих Бенгельской железной дороги, по которой перевозится минеральное сырье из Катанги в порт Лобиту. Официально дорога принадлежит английскому концерну «Танганьика консешнз» — одному из владельцев медных, урановых и кобальтовых рудников в Катанге. Однако значительную часть доходов от эксплуатации этой дороги получает небезызвестный Нельсон Рокфеллер. Правда, остальные рабочие Бенгельской железной дороги, по утверждению ее правления, — «волунтариуш», то есть вольнонаемные. Однако, как сообщает Бэзил Дэвидсон, существенного различия между «волунтариуш» и «контрададуш» нет. Никто из трудящихся африканцев не обладает какими-либо правами в колонии, где властвует Антонио Салазар.

Работая в качестве «волунтариуш», африканец вынужден соглашаться на любые условия, выдвинутые хозяином. Он должен покорно работать в дополнительные сверхурочные часы, безропотно сносить издевательства. «Непokoрного» переводят в разряд «контрададуш». К этому разряду может быть отнесен также любой африканец, если он не отработал на белых на правах «волунтариуш» без перерыва шесть месяцев в году. Фактически же зачисление в «контрададуш» целиком зависит от требований на рабочую силу и произвола местной администрации. Число желающих работать добровольно на рабовладельцев крайне незначительно.

Официально законтрактованный должен проработать «только» два года, однако на деле этот срок значительно затягивается. В последнее время значительно увеличилось обращение в «контрададуш» даже малолетних. «Тысячи восьмилетних детей, — сообщает журнал «Нейшн», — работают на кофейных плантациях и на фермах поселенцев». По свидетельству анголезского писателя Жоакима Дос Сантоса, португальские колонизаторы, насильно сгоняя людей на работу к плантаторам, «как правило, отрывают детей от матери и отца. Нередко члены одной семьи больше не видят друг друга. Они или умирают от непосильной работы, или становятся жертвой жестокого обращения».

Однако «контрактацией» не исчерпывается применение рабского труда в Анголе. «Правительство широко использует принудительный труд для всех своих нужд и, кроме того, для строительства и ремонта дорог, — пишет один из очевидцев. — Проселочные дороги строятся и ремонтируются неоплачиваемыми рабочими, мобилизованными из районов, через которые проходят дороги. Эти люди не только должны выполнять заданную работу — они должны также сами себя кормить, а довольно часто — иметь и собственный рабочий инструмент. Поскольку во многих местах большинство мужчин занято на принудительных работах в других районах, администратор или вождь племени, отвечающие за состояние дорог, часто вербуют женщин и даже маленьких детей. Вот почему можно видеть, как матери с детьми за спиной, беременные женщины и совсем маленькие девочки примитивными мотыгами выравнивают дороги и таскают на голове корзины, полные земли...»

В тексте меморандума председателю XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН от имени 39 делегаций стран Азии и Африки говорится: «Ангола представляет собой классический пример колониального господства и угнетения миллионов африканцев».